

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахтин, М.М. Проблемы поэтики Достоевского / М.М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1972.
2. Кристева, Ю. Бахтин, слово, диалог и роман / Ю. Кристева // М.М. Бахтин: pro et contra. Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли. Т. I. – СПб.: РХГИ, 2001. – С. 213 – 243.
3. Ланге, В. «Элементарные частицы» Уэльбека и мениппова сатира / В. Ланге; пер. с нем. // Иностранная литература. – 2005. – № 2. – С. 237 – 255.
4. Лукиан. Человеку, назвавшему меня «Прометеем красноречия» / Лукиан // Избранное. Пер. с древнегреч. / Сост., предисл. И. Нахова; коммент. И. Нахова и Ю. Шульца. – М.: Худож. лит., 1987. – С. 40 – 43.
5. Селин, Л.-Ф. Путешествие на край ночи / Л.-Ф. Селин. – Харьков: «Фолио»; Ростов н/Д: «Феникс», 1999.

Т.А. Мозгова (Минск, БГУ)

**РОМАН «ПЛАТФОРМА» М. УЭЛЬБЕКА
И ТРАДИЦИЯ ФРАНЦУЗСКОГО «ЭКЗОТИЧЕСКОГО РОМАНА»**

Французский поэт и этнограф-любитель Виктор Сегален в своей работе «L'Essai sur l'Exotisme» определяет «экзотическое» как «всего лишь познание другого; восприятие отличного; знание того, что нечто не просто так; и власть экзотизма это всего лишь способность понять иного» [1, р. 23]. Проблема непонимания между людьми на личностном и межнациональном уровне обострилась на рубеже XX–XXI веков, и потому Уэльбек обратился к ней в своих романах. В основе «экзотического романа» лежит путешествие главного героя и описание посещаемых им стран. М. Уэльбек считает, что «путешествия непременно порождают в нас расовые предрассудки или же укрепляют их» [2, с. 112]. А расовые предрассудки всегда доходят до открытых проявлений расизма и перерастают в терроризм. Уэльбека действительно волнует конфликт цивилизаций и это заставляет его обратиться к традиции французского «экзотического романа».

Большинство французских исследователей относят к традиции французского «экзотического романа» имена Шатобриана с его произведениями «Атала» («Atala», 1801), «Рене» («René», 1801) и «Путешествие из Парижа в Иерусалим» (Itinéraire de Paris à Jérusalem, 1811), Гюго с его «Восточными мотивами» («Les orientales», 1829), Нервала и его «Путешествие на Восток» («Voyage en Orient», 1843). Также к этой традиции причисляют и Флобера с романом «Саламбо» («Salammbô», 1861), и даже некоторых поэтов: Леконта де Лиля и его сборник стихотворений «Poèmes barbares», а «Цветы зла» («Fleurs du mal», 1856) Бодлера часто называют «Библией экзотизма» [3, р. 208]. Но всё же подлинным мастером «экзотического романа», а иногда и его отцом, считают Пьера Лоти (Pierre Loti).

Он по долгу службы должен был посещать множество экзотических для европейца стран: Турцию, Китай, Японию, Персию, Индию, Пакистан. Лоти, как и его современники, стремился расширить свой кругозор «погружением» в новую культуру. Путешествие на Восток, хотя и называлось тогда «побегом из Европы», воспринималось несколько иначе, чем теперь. Путешествие было чем-то большим, чем просто развлечение. Это было скорее изучение, постижение, осмысление чего-то Нового и Иного, попытка понять ментальность и обычаи других народов. Поэтому в романах Лоти экзотические пейзажи и описание нравов местного населения занимают столько же места, сколько и интрига. В некоторых романах, как, например, «La mort de Philae» (1909) и «Un pèlerin d'Angkor» (1911) интрига исчезает вовсе.

Критики говорят, что «его язык прост, почти беден» [4, р. 89], но в тоже время отмечают, что «его искусство, особенно импрессионистическое, даёт нам возможность почувствовать все нюансы, такие различные ощущения, собранные этим путешественником, вечно жаждущим нового» [4, р. 89]. Его персонажей литераторы классифицировали как «примитивных и грубых» («primitifs et frustes»), но даже такие, они кажутся наполненными жизнью. Однако почти все их приключения заканчиваются поражением и страданиями. В каждом романе, каким бы ярким и романтическим он ни был, затаена меланхолия. Лоти никогда не покидает мысль о смерти, и о бренности всего сущего, поэтому самые светлые картины, самые яркие пейзажи проникнуты грустью. Но нельзя назвать эту грусть, которая для него так естественна, ностальгией по Родине, так как каждую страну, в которой он побывал, Лоти считает «родной». Каждую встречу с человеком или со страной Лоти воспринимает как непременно предстоящую разлуку и утрату. Более того «путешествия Лоти – это своеобразный спуск в страну мёртвых, а сама смерть – это последнее путешествие, абсолютная тайна» [4, р. 91]. А он пытался проникнуть в тайну жизни, собрав как можно больше эмпирических знаний о мире.

Лоти не скрывает того, что не всегда принимает чужую культуру, поскольку не всегда её понимает. Так, в романе «Азиадэ» («Aziyade», 1879) он выражает свою любовь к Турции и проявляет интерес к исламу: главный герой живёт в старом квартале Стамбула, одевается, как турок, учит турецкий

язык и украшает своё жилище стихами из Корана и даже меняет своё европейское имя на Ариф Эфенди. То есть, в данном случае повествователь стремится обратить экзотику в повседневность, так как принять культуру, значит опосредовать её ежедневной практикой. Но с другими экзотическими странами у Лоти выстраиваются совершенно иные отношения. Так в «Госпоже Хризантеме» («Madame Chrysantème», 1887) он скептически воспринимает японские обычаи, и называет японцев «умными зверьками», а их дома – сараями: «как все они были безобразны, смешны и нелепы» [3, с. 14], «у вас вид безделушек с этажерки, маленьких обезьянок» [5, с. 21], «мне начинает казаться, что... я обручился с марионеткой» [5, с. 34], «маленькие смятые мордочки, морщинистые глазки новорождённого котёнка» [5, с. 74], «В рядах мужчин мелькает много котелков... прекрасно гармонирующих с забавным безобразием этих учёных обезьян» [5, с. 74], «форма сараев, какую имеют все японские дома» [5, с. 75], «Япония – угрюмая, грязная, наполовину затопленная» [5, с. 18]. И, несмотря на первое впечатление от Японии, повествователь затем постепенно привыкает к стране и начинает в ней находить скрытую поначалу от него прелесть: «я привыкаю к их лицам. Всё это очень утончённо – положим, утончённость эта совсем не похожа на нашу, – я не понимаю её сразу, но, может, в конце концов, она мне понравится» [5, с. 24].

Хотя, по сути, экзотика не может нравиться или не нравиться, экзотика всегда удивляет, изумляет, поскольку она – это всегда что-то новое, ранее неизведанное. Но, чтобы стать чем-то привычным, экзотическая культура должна превосходить или быть на том же уровне развития, что и родная культура исследователя. И в XIX веке традиционное для романов-путешествий противопоставление «я/мы – они» от прежнего «принципа: "мы хорошие, они плохие" или "мы хорошие, они ужасные"» [6, с. 60], переходит на новый уровень: мы – европейцы – самые цивилизованные и знаем, что делать, они не так цивилизованы, и потому должны нам подчиниться. Лоти жил в эпоху самой активной колонизации. Тогда «европейцы осознавали своё превосходство и стремились привить свои порядки колонизируемым народам. В то же время они пытались *глубоко понять* эти народы и приблизить их к новому образу жизни» [7, с. 68]. Тогдашние европейцы «не жалели средств и сил для колонизации мира, поскольку были уверены, что этот мир *когда-нибудь станет частью их собственной цивилизации*» [7, с. 68]. Иными словами, европейцы целенаправленно «завоевывали» мир, но при этом технологии, товары, финансовые и людские ресурсы двигались из Европы в колонии; и, несмотря на своё военное превосходство, европейцы старались использовать «тонкое политическое лавирование и образование альянсов и союзов с колонизированными народами» [7, с. 63]. Возможно, поэтому роман-путешествие и «экзотический роман» стали наиболее популярными жанровыми разновидностями в то время. Ведь описывая своё реальное или воображаемое путешествие, автор превращает незнакомый до этого мир в дружественное пространство. Поэтому главное в «экзотическом романе» и романе-путешествии – это подробное описание ранее не виданных стран и местных обычаев, колорита.

В произведениях Лоти всегда присутствуют Восток и Запад, но они никогда не утрачивают своих характерных черт и особенностей. И всё же, уже на рубеже XIX–XX веков Лоти предвидел, во что может вылиться экспансия Востока Западом: «Наступит время, когда жить на земле будет очень скучно: её сделают совершенно одинаковой от одного края до другого, и некуда будет ездить путешествовать для развлечения...» [5, с. 13].

Про эту «одинаковую землю» пишет сегодня Уэльбек. На рубеже XX–XXI веков традицию «экзотического романа», но преломлённую в новой реальности, он продолжил в «Лансароте» и «Платформе». Их главные герои так же, как и герои Лоти, бегут от западного мира, но ещё в большей степени от себя. Как и в других современных романах-путешествиях и путевых очерках, у Уэльбека присутствует идея о том, что «нынешняя эпоха – эпоха порчи, прошлое утрачено безвозвратно, вокруг – пустота; по сути, перед нами повествование о социальном упадке» [6, с. 63]. Этим объясняется тот факт, что в романах Уэльбека оставлено мало места «иному», «другому». «Экзотическое», как его понимали в XIX веке, попросту исчезло. Путешествие, такое необычайное и связанное в сознании европейца XIX века с приключениями и опасностями, в XX веке становится обыденностью и потребляется, как товар. Жажда экзотики подменяется желанием комфорта. Путешествие превращается в туристическую поездку. Поэтому Уэльбек уделяет особое внимание описанию и анализу работы туристических фирм. Роман «Платформа» состоит из трёх частей. Первые две примерно равные: в «Тропике Тай» описывается непосредственно само путешествие главного героя Мишеля в Таиланд, а в «Конкурентных преимуществах» раскрываются тайны туристического бизнеса, сделана попытка объяснить, зачем западные европейцы путешествуют. Третья, самая небольшая по объёму часть «Паттайя-бич», является своеобразным выводом из всего романа: персонажи путешествуют, чтобы сбежать от себя самих, от Запада, чтобы начать новую жизнь, но «в Паттайю приезжают не для того, чтобы начать жизнь заново, а для того, чтобы приемлемым образом её закончить» [2, с. 336]. Герои Уэльбека не просто путешествуют или ездят в командировки, они, словно поддаваясь призыву Бодлера: «Куда угодно, куда угодно! лишь бы прочь из этого мира!», бегут из Европы. Если не доступно реальное путешествие, то путешествуют хотя бы в мечтах, как, например, Мишель – главный герой «Элементарных частиц» в детстве читал комиксы про

Чёрного Волка – индейца-одиночку, «благородное сосредоточие всех доблестей апачей, сиу и чейенов» [9, с. 45], который беспрестанно скакал по прериям вместе с «конём Чинуком и волком Тупи». Мишель представлял себя на его месте. Также Мишель читал Жюль Верна, комиксы про собаку Пифа, но чаще всего многотомное собрание «Вся Вселенная». Все перечисления экзотических названий и воображаемые путешествия, как во времени, так и в пространстве необходимы для понимания дальнейшего жизненного пути, который себе выберет Мишель. А он посвятит себя воплощению в жизнь идеи «создания идеального общества». По мнению С. Сонтаг, поиски идеального общества и были главной причиной всех путешествий, начиная с XVIII века. И только в современном обществе главенствующей становится «сама идея пребывания в пути: желание и неудовлетворённость гонят нас в дорогу» [6, с. 61]. Уэльбек предполагает, что неудовлетворённость эта, прежде всего сексуальная. Так рассказчик в «Лансароте» решает путешествовать, осознав, что «j'ai pris conscience que mon réveillon serait probablement raté» [9, р. 9] и несколько раз в разговоре с туроператором вскользь обороняет: «je n'ai pas envie de baiser» [9, р. 11]. А Мишель из «Платформы» после смерти отца решает сменить обстановку, сравнивая свою поездку с бегством из тюрьмы: «Жители Западной Европы, как только выдаётся у них несколько свободных дней, разом устремляются на другой конец света, облетают пол земного шара – словом, ведут себя так, будто из тюрьмы сбежали» [2, с. 32]. Но, оказавшись в Таиланде и ощутив «sérieusement envie de baiser» [10, р. 49], сразу же направляется в «оздоровительный клуб». Другой персонаж Робер ни секунды не скрывает, зачем приехал в Таиланд, чем провоцирует постоянные споры в своей туристической группе и морализаторские высказывания: «C'est absolument honteux que des gros beaufs puissent venir profiter impunément de la misère de ces filles. ... C'est de l'esclavage sexuel! Il n'y a pas d'autre mot! ... Moi ça me fait vomir qu'un gros porc puisse payer pour fourrer sa bite dans une gosse!» [10, р. 74 – 75]. Такое поведение героев, вряд ли вызвано желанием автора шокировать читателя. Постоянные совокулления романых персонажей связаны с желанием Уэльбека продемонстрировать, что в европейском сознании высокое некогда чувство «любовь» свелось к набору физических действий, приравняемых, в свою очередь, к «оздоровительному походу в тренажёрный зал». Этим же объясняется и лексика, используемая автором: либо разговорная, либо научная (чаще автор оперирует медицинскими терминами). Герои Уэльбека, так же как и герои Лоти, одинаково ищут на Востоке ту чистоту, которая, по их мнению, на Западе давно утеряна. Но герои Уэльбека не находят её и на Востоке, потому что куда бы они ни ехали, они всюду привозят с собой Запад.

В текстах Уэльбека тоже присутствуют экзотические названия и пейзажи, но в отличие от Лоти, они не самодостаточны и не заменяют сюжет. Описания природы нужны лишь как декорации для путешествия или как повод для разговора персонажей: «Сураттхани – 816 000 жителей – представлен во всех путеводителях как место, напроць лишённое достопримечательностей. Через него пролегают все маршруты, поскольку здесь пересаживаются на паром к острову Самую, – вот и всё, что можно сказать. Между тем здесь живут люди, и город, как отмечает "Мишлен", издавна считается важным центром металлургической промышленности, а с недавних пор тут развивается ещё и машиностроение» [2, с. 84]. Уэльбек даже не пытается «выписать пейзажи», как это делал в своё время Лоти. Ему это не нужно, ведь теперь в целях экономии времени, люди не обращают внимания на окружающие красоты, они усваивают только нужную им информацию из путеводителей: «Первую остановку сделали в Канчанабури: описывая этот город, разные справочники, словно сговорившись, употребляют эпитеты "оживлённый" и "весёлый". "Превосходная отправная точка для осмотра окружающей местности", – пишет "Мишлен"; "хороший базовый лагерь" – вторит ему "Рутар"» [2, с. 62]. То, что привлекло и искренне восхищало героев Лоти, в произведениях Уэльбека превратилось в записи из путеводителя. Но это выглядит закономерным в обществе, где брак стал формальностью, человеческие отношения измеряются выгодой, диалог невозможен, вокруг человека сформировалась пустота. Всё перестало быть естественным, вещи начали восприниматься только как симулякры, а природа превратилась в декорацию для турпоездки с элементами экскурсии.

Герои Лоти путешествовали во времени и пространстве, и эти перемещения ими хорошо ощущались. Герои Уэльбека уже почти не перемещаются в пространстве, поскольку из-за новых технологий происходит его «сжатие»: путь из Франции в Таиланд, который у человека начала XX века занял бы несколько месяцев, преодолевается теперь за 11 часов. Можно сказать, что персонажи передвигаются только во времени. «Отстальные страны», где большинство процессов по сравнению со странами «большой восьмёрки» заторможено, воспринимаются европейскими туристами как «патриархальные утопии», в которых «крестьяне пахали на волах, ездили на телегах» [2, с. 219]. «Только это была не утопия и не экологический заповедник, а реальный быт страны, отставшей от индустриального века» [2, с. 219].

Усугубляется ощущение «не-путешествия» также почти одинаковой заполненностью пространства: одни и те же отели, услуги, еда. «Бангкокский "Палас-отель" принадлежал к гостиничной сети, схожей с компанией "Меркурий", и придерживался тех же принципов в отношении питания и качества обслуживания» [2, с. 40]. Встретив в романе слова: «с двадцать седьмого этажа открывался поразительный

тельный вид», читатель ждёт описание экзотического тайландского пейзажа, но получает описание, равно применимое почти к любому крупному городу мира: «налево меловой скалой, разлинованной черными горизонтальными полосками окон, наполовину скрытых балконами, высилась громада отеля "Маритт". ... Прямо передо мной сверкало бесчисленными бликами хитроумное сооружение из конусов и пирамид из голубоватого стекла. На горизонте ярусами ступенчатой пирамиды громоздились гигантские бетонные кубы отеля "Гран Плаза Президент". Справа, за трепещущей зелёной гладью парка Лумпхини, выступала охряная стена и угловые башни Дусита» [2, с. 44]. Используя сатирические приёмы для воссоздания «экзотического пейзажа», Уэльбек подчёркивает тем самым процесс унификации, происходящий в нашем мире. Мы знаем, что человек перестаёт существовать как индивидуальность из-за того, что одинаковыми становятся желания, мысли людей, порой даже их внешность, не говоря уже об их домах и вещах. Но этот процесс может носить и глобальный характер: страны и общества, подражая друг другу, стремятся обзавестись одним оружием, похожими сооружениями. Из-за этого у героев и возникает ощущение не побега от западной цивилизации, а только постоянного топтания на одном месте.

Уэльбек постоянно делает акценты на том, что никогда европеец и шире – западный человек не сможет достичь состояния удовлетворённости собой, своей жизнью и миром, который его окружает; не сможет достичь берегов утопии. А в рай он уже не верит. Всё, на что хватает западного европейца, это ожидание Пришествия инопланетян «élohim», которые всех перенесут в идиллию или воплотят на земле утопию.

Уэльбек не может принять ни Запада, с которого он бежит, ни Востока, на который он бежит. Запад, потому что ощущает его мёртвым, утратившим способность думать о серьёзных философских проблемах, как например, о «Курсе позитивной философии» Огюста Конта, который Мишель читает и периодически цитирует на протяжении всего романа [2, с. 176, с. 180, с. 227, с. 305]. Восток, потому что тот стремительно теряет свою аутентичность, подлинность, экзотизм, перенимая у Запада вместе с новыми технологическими разработками не самые лучшие стороны жизни. «Как бы там ни было, мы стремительно приближаемся к созданию всемирной федерации под управлением Соединённых Штатов Америки, и английским языком в качестве государственного» [11, с. 41].

«Экзотический роман» Лоти изображал неизвестные ранее страны, концентрировал внимание именно на экзотике, порой даже жертвуя сюжетом и интригой. Теперь «экзотический роман» подчёркивает отсутствие экзотики там, где она, по сути, должна быть. Лоти, как и многие другие авторы, описывая Восток, предлагает возвратиться к истокам – к чистоте и природе, которые всё ещё там, по их мнению, остались. Уэльбек показывает отказ Востока от аутентичности, бездумное, автоматическое перенимание ценностей Запада, унификацию культур. Главному герою Уэльбека всё равно где жить, и он, как образцовый потребитель, выбирает место с «приятным климатом» и «недорогой жизнью» – и остаётся жить на Востоке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Segalen, V. Essai sur l'exotisme / V. Segalen. – Montpellier, 1978. – 91 p.
2. Уэльбек, М. Платформа / М. Уэльбек. – М.: Иностранка, 2003. – 344 с.
3. Décole, G. Histoire de la littérature française. XIXs. / G. Décole, J. Dubosclard. – Paris: Hatier, 2005. – 576 p.
4. Lagarde, A. XIX siècle. Les grands auteurs français du programme / A. Lagarde, L. Michard. – Paris: Bordas, 1985. – 578 p.
5. Лоти, П. Госпожа Хризантема / П. Лоти. – М.: Конкорд ЛТД, 1992. – 270 с.
6. Сонтаг, С. К вопросу о путешествиях / С. Сонтаг // Иностранная литература. – 2007. – № 12. – С. 60 – 64.
7. Иноземцев, В.Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В.Л. Иноземцев // Вопросы философии. – 2004. – № 4. – С. 58 – 69.
8. Уэльбек, М. Элементарные частицы / М. Уэльбек. – М.: Иностранка, 2001. – 412 с.
9. Houellebecq, M. Lanzarote et autres textes / M. Houellebecq. – Paris: Librio, 2002. – 95 p.
10. Houellebecq, M. Plateforme / M. Houellebecq. – Paris: Ed. J'ai lu, 2002. – 352 p.
11. Уэльбек, М. Лансароте / М. Уэльбек. – М.: Иностранка, 2003. – 106 с.

Д.А. Кондаков (Полоцк, ПГУ)

РЕАКЦИЯ НА ВРЕМЯ В ПОЭЗИИ МИШЕЛЯ УЭЛЬБЕКА

О поэзии Мишеля Уэльбека писать, кажется, довольно просто. Сам автор прекрасно известен всякому, кто интересуется новейшей зарубежной литературой, по скандально популярным романам «Элементарные частицы», «Платформа», «Возможность острова». В 2005 году на волне этого интереса в России вышла книга стихов Уэльбека «Оставаться живым», куда включена большая часть произведений из трех сборников автора «Погоня за счастьем» (1992, 1997), «Смысл борьбы» (1996), «Возрождение»